

УДК 82(091)

ПРИРОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОЭМЕ Д.МЕРЕЖКОВСКОГО «СТАРИННЫЕ ОКТАВЫ» И ПУШКИНСКАЯ РОМАННАЯ ТРАДИЦИЯ

А.Г.Разумовская

Псковский государственный педагогический университет, aida1@list.ru

Рассматривается специфика преломления традиции жанра «романа в стихах» в творчестве одного из старших символистов через осмысление функционального значения природы. Основное внимание направлено на сопоставление роли природного мира в изображении героев произведений Д.Мережковского и А.Пушкина, а также на выявление антиномии природы и цивилизации, характерной для эпохи рубежа XIX-XX вв., актуализировавшей идеи руссоизма.

Ключевые слова: символизм, роман в стихах, пушкинские традиции, мир природы, дома, дачи

The article considers the peculiarities of realization of «the novel in verse» tradition in the works of the senior poet-symbolist through the evaluation of the functional importance of nature. The focus is laid on the comparison of the role of the natural world in depicting the characters in the works by D.Merezhkovsky and A.Pushkin, and also on the revealing of the antinomy of nature and civilization typical of the turn of the XXth century, which realized the ideas of Rousseauism.

Keywords: symbolism, novel in verse, Pushkin's traditions, natural world, houses, dachas

А.Пушкин своим романом «Евгений Онегин», как известно, породил немало последователей, и проблема жанровой преемственности «свободного романа» в литературной перспективе уже становилась предметом размышлений исследователей [1]. Исследователями выявлено, что Д.Мережковский при написании своих поэм ориентировался на опыт пушкинских произведений, в первую очередь «романа в стихах» [2].

Поэму «Старинные октавы», опубликованную в 1906 г., Д.Мережковский высоко ценил. Примечательно, что написанию ее первой части в середине 1890-х гг. хронологически предшествовала работа над романом «Смерть богов. Юлиан Отступник», вторая создавалась по завершении романа «Воскресшие боги» во второй половине 1890-х. Такие жанровые переходы свидетельствуют: «поэтические тексты являют собой как бы надводную часть айсберга, глубинная и проясняющая часть которого уходит в про-

зу» [3]. Действительно, прозаические произведения и поэма пересекаются в мировоззренческом плане: идейным стержнем романов является непримиримая борьба античной и христианской культур, позитивизма и мистицизма, что преломляется и во внутренних борениях главного героя поэмы. Кроме того, нищеподобное гордое одиночество и отверженность от людей пронизывают все творчество писателя 1890-х гг. Стало быть, почувствовав силу в жанре романа, Мережковский захотел свой опыт перенести в жанр поэмы.

«Именно в то время и именно в поэзии, до выдвигания на первый план жанров прозы, были созданы образцы всех основных видов повествования — романа, повести, рассказа в стихах. Поэты конца века не выходят за рамки традиций, работают с постоянной оглядкой на прошлое. Поэзия как бы оказалась под двойным воздействием: с одной стороны, сила поэтической традиции, с другой — влияние соответ-

ствующих прозаических жанров, глубоко и всесторонне разработанных как раз во второй половине XIX века. Понятие «поэма» стало утрачивать свою специфику и употреблялось как синоним понятия «роман». В «Старинных октавах» Мережковского... это смешение представлено особенно наглядно...» [4]

Действительно, декларируя «Писать роман октавами хочу», автор тут же заявляет: «поэму заключу / В стесненные границы меры трудной» (курсив мой. — А.Р.) [5]; главы, как в поэме, он называет «песнями». Другое его признание: «Бесхитростный дневник пишу, не повесть» (529) — подчеркивает установку на внефабульность произведения. Вспомним, что еще Ю.Тынянов как характерную особенность пушкинского романа отмечал «не развитие действия, а развитие словесного плана» [6]. Многие помимо этого сближает поэму Мережковского с романом «Евгений Онегин»: сочетание лиризма с эпической структурой (описание быта, создание объективных характеров), наличие фабулы, хотя и условной, непринужденность авторского тона, открытость перспективы. Наконец, роднит произведения Пушкина и Мережковского автобиографическая основа.

«Старинные октавы», знаменуя поворот к пушкинской традиции уже в первое десятилетие символизма, явилось этапным произведением, каким в канун кризиса направления будет поэма «с бытом и фабулой» у А.Блока — «Возмездие». Для поэзии символистов в их поиске обновления поэмого жанра ориентация на классику, наследие которой они стремились по-своему интерпретировать, оказалась чрезвычайно важной.

На молодого Мережковского оказали воздействие традиции не только литературы начала XIX в., но и более близкой по времени гражданской (некрасовской) поэзии. Следствием этого является заострение внимания не столько на современной ему исторической эпохе (передача ее значительно сужена по сравнению с пушкинской «энциклопедией»), сколько на духовном становлении лирического героя, оповещающем об идейных противоречиях времени. Ориентируясь на некрасовское произведение «Рыцарь на час», Мережковский задумал поделить своими исканиями, размышлениями, переживаниями. Поэт создал своеобразный роман воспитания, в котором он, как бы продолжая стихотворение Н.Некрасова «Родина» в изображении матери и отца, раскрыл противоборство в сознании и душе ребенка язычества и христианства. Немаловажно, что повествование ведется не от третьего лица, как у Пушкина, а от первого. При этом пушкинская строфическая структура, избранная манера повествования дали автору возможность легко переходить от одной темы к другой, в результате чего внутренний сюжет прерывается лирическими отступлениями — то раздумьями о поэзии, о Музе, то обращениями к матери или к читателю, то рассуждениями о проблеме человека и природы. Но центральной темой при этом остается собственная жизнь автора, которая дает возможность полнее раскрыть миропонимание и мироощущение человека того времени.

Природа в поэме Мережковского занимает значительное место, обрамляя сюжет и вклиниваясь в

него пейзажами севера и юга. Однако, насколько нам известно, они пока еще не являлись предметом исследования как самостоятельно, так и в соотношении с пейзажными зарисовками пушкинского романа в стихах. Что касается «Евгения Онегина», то, по мнению современного исследователя, среди пространственных реалий романа одной из важнейших и семантически насыщенных является сад: «“Сады” романа в стихах изображены не менее искусственно (чем в прозе. — А.Р.), их стилистика, сконцентрированная в лаконичных, тщательно отобранных деталях, только на поверхностный взгляд описательно-изобразительна: подключенная к контекстам, она обнаруживает свой выразительно-ассоциативный потенциал» [7].

Природный ландшафт в поэме — не условно литературная, а автобиографическая реальность, как и в романе «Евгений Онегин». Напомним, что у Пушкина лаконичное описание «огромного запущенного» парка «над светлою рекой» второй главы (он же назван «диким садом» в восьмой главе) соседствует с Летним садом первой главы. Мережковский также сопоставляет столичный Летний сад, вблизи которого он рос, с раздольным парком на Елагинском острове, где проходили летние месяцы его детства и отрочества.

Как и в пушкинском романе, в поэме Мережковского пейзаж играет важнейшую роль в раскрытии характера главного героя. Причем пространное описание природы либо созвучны, либо контрастны дому, в котором поэт подчеркивает скуку, «казенный дух, порядок вечный» (531). «Холодный дом» своей гнетущей, мрачной атмосферой выживал из сердец обитателей любовь: «И в этом мертвом доме мы друг друга / Любили мало» (532). «В суровом доме, мрачном, как могила» (535) ребенок испытывал страх, ощущал себя пленником и, подобно тому, как Татьяна «в семье своей родной казалась девочкой чужой», был отрешен от всех:

.....запуганный ребенок,
Всегда один, в холодном доме рос
Я без любви, угрюмый, как волчонок,
Боясь лица и голоса людей,
Дичился братьев, бегал от гостей (534).

Ту же «казенную» атмосферу маленький герой Мережковского ощущает и в Летнем саду, который для него есть продолжение «плена» в доме:

С презрением, не говоря ни слова,
Со злобою смотрел я на детей,
Играющих у дедушки-Крылова,
И, всем чужой, один в толпе людей,
Старался няню, гордый и пугливый,
Я увести к аллее молчаливой (548).

Мальчика потому не тянет к «дедушке Крылову», что в баснях он слышит одни ненавистные ему назидания. Если пушкинский Онегин мог воспринимать здесь поучительные «рассказы» статуи, то у героя Мережковского они вызывают пренебрежительную иронию:

В сквозной тени трепещущих берез
На мраморную нимфу или фавна
Смотрел я, полный нелюдимых грез;
И статуя Тиберия забавна, —
Меня смешил его отбитый нос,
Замаскою приклеенный недавно (548).

Таким же искусственным и чопорным предстает в глазах повествователя и старинный сад, примыкающий к Елагину дворцу. И в нем, лишенном для рассказчика эстетической ценности, подчеркивается та же строгость, «казенность» стиля:

Вокруг дворца я помню древний сад,
Куда гулять мы с нянею ходили, —
Оранжереи, клумбы и фасад
Двух флигелей в казенном важном стиле,
Дорических колонн высокий ряд,
Террасу, двор и палисадник тощий,
И жидкие елагинские рощи (541).

Здесь свое неприязненное отношение к саду он выражает акцентированием внимания на худосочности, безжизненности растений («тощий», «жидкие»), которым будет противопоставлено буйство, сочность красок и сильные запахи дикой растительности («медовых трав»). Верный заветам руссоизма, Мережковский наделил своего героя приверженностью не к оранжерейным «бледным розам», а к травам («междач овес и тощий клевер»).

В изображении пригородного парка Мережковским преломляется воспринятая от романтизма антитеза природы и культуры:

И, каждой смелой веткой дорожа,
Я возмущался, что по глупой моде
Акации стригут или, служа
Казенному обычаю в природе, —
Метут в лесу тропинки сторожа (545).

Ярко выраженный индивидуалистический характер героя, наблюдавшего «с презреньем», «как по дорожкам дачники ползли», его гордое нищестанство сближают произведение с романтическими поэмами Пушкина и Лермонтова. Подобно Алеко, променявшему «неволю душных городов» на «сени кочевые», и Мцыри, назвавшему первозданную природу «Божьим садом», герой Мережковского Эдемом мыслит не урбанизированное пространство, а просторы елагинских полей — именно здесь он обретает внешнюю и внутреннюю свободу.

Дачный мир лирического героя незамысловат, подчеркнута «простота»: это выращивание огурцов, работа в плотничьей мастерской, игры в дворцовом подземелье и в диких зарослях травы. Само изображение дачного бытия на Елагинском острове корреспондирует с деревенскими зарисовками из «Евгения Онегина», в которых предпочтение отдано милому, обыденному:

За погребом был гладкий, как стекло,
И сонный пруд; на нем плескались утки;
Плакучей ивы старое дупло,
Где свесились корнями незабудки,
Потопленное, мохом обросло;
Играют в тине желтые малютки —
Семья утят, и чертит легкий круг

По влаге быстрый водяной паук (544) (курсив мой. — А.Р.). (Ср. у Пушкина: «Люблю песчаный косогор, / Перед избушкой две рябины, / Калитку, сломанный забор, / На небе серенькие тучи, / Перед гумном соломы кучи / Да пруд под сенью ив густых, / Раздолье уток молодых...» [8]).

В незамысловатую природу, в самые отдаленные уголки парка удаляется герой вместе с кни-

гой, подобно пушкинской Татьяне. Как заметил Д.С.Лихачев, «главное занятие в саду — чтение книг» [9]. У Пушкина «романы» Татьяны являются атрибутом ее сада: «...она мечтой / Стремится к жизни полевой, / В деревню, к бедным поселянам, / В уединенный уголок, / Где льется светлый ручеек, / К своим цветам, к своим романам / И в сумрак липовых аллей...» [10]. Так и в поэме Мережковского на воле и благодаря книгам ослабляются пути «мертвого дома» (нормативной жизни), раскрепощается воображение ребенка. Пригородная природа наполняется таинственностью, населяется экзотикой далеких земель, становясь естественной декорацией, в которой оживают страницы любимых романов:

Я находил в елагинских полях
Пустынные и дикие Пампасы;
Блуждал — в приюте воробьев — в кустах
Черемухи, как Немо, Гаттерасы
Иль Робинзоны в девственных лесах.
Я ждал порой меж тощих пальм террасы
Среди безумных и блуждающих игр,
Что промелькнет гиппопотам или тигр (543).

Творческое воображение помогает мальчику преобразить будни в праздник (Татьяна Ларина также своим воображением поднималась над обыденностью, чем и близка автору романа). Перевоплощаясь в литературных героев и бунтарски преображая «казенный» мир вокруг себя, герой уходит в фантастику:

Я с книгой так садился меж ветвями,
Чтоб за спиной конюшни были, дом
И клумбы, мне противные, с цветами,
И, видя только чашу ив кругом
И дремлющую воду под ногами,
Воображал себя в лесу глухом:

Так страстно мне хотелось, чтобы диким
Был Божий мир, пустынным и великим (544-545). Так в поэзии Мережковского продолжает жить романтическая утопия природы, связанная с раскрепощением творческого потенциала личности. Плену и скуке обыденной жизни автор противопоставляет почти космическую свободу с помощью «магического кристалла» поэзии: «Когда душа уныла и пуста, — / Поэзия — от всех скорбей лекарство. / Уйдем же к ней мы в призрачное царство!» (556).

Как видим, на пути эволюции романного сознания Мережковского не случайно встал сложный жанр «романа в стихах». Если юный Мережковский в «Евгении Онегине» «только рифм искал» (578), то спустя годы он уже ориентировался на роман в своем изображении характеров, в поэтике внутренних сцеплений, в выработке концепции природы и цивилизации. Несмотря на контрастность дома (города) и природы в поэме, эти пространства у автора взаимосвязаны и вместе формируют сознание героя, его будущие «бездны»: «Бегу ли я в толпу или под сень / Дубрав пустынных, — чую роковое / Всегда, везде, — и в самый светлый день» (534). Но именно с природой поэт связывает пробуждение в человеке творческого огня, которым согревается жизнь, преобразование его души.

1. См.: Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца 19 — начала 20 вв. М.; Л.: Наука, 1964. С.6; Чумаков Ю.Н. К традиции русского стихотворного романа (Пушкин — Полонский — Блок) // Проблемы современного пушкиноведения: Межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ, 1981. С.66-77.
2. См.: Кумпан К.А. Д.С.Мережковский — поэт (У истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. С.78-81.
3. Там же. С.55.
4. Долгополов Л.К. Указ. соч. С.27.
5. Мережковский Д.С. Старинные октавы // Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. С.528. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках.
6. Тынянов Ю.Н. О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С.64.
7. Шарафадина К.И. «Алфавит флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы). СПб.: Петербургский ин-т печати, 2003. С.270-271.
8. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т.4. М.: Современник, 1982. С.212.
9. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, 1998. С.24.
10. Пушкин А.С. Евгений Онегин. С.171.